

«Юрист должен быть способен справиться с несправедливостью»

08.11.2022

ИНТЕРВЬЮ

THE CASE

«Юристы за лучший мир» — так называется номинация исследования The CASE by Legal Insight, призванная отметить личный вклад юристов в развитие российского права. В 2022 г. Айдар Султанов стал первым лауреатом этой премии за свою борьбу с ложью в судебном процессе. Благодаря его усилиям суд признал, что ложь является процессуальным юридическим фактом, порождающим право на пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам

(Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 11.03.2021 №306-20-16785(1,2). Значение данного решения не только в повышении доверия к суду, но и повышении уровня доверия в обществе, которое, по словам Айдара Султанова, выживает и процветает только тогда, когда есть доверие. «Ложь разрушает доверие. Создавать что-либо полезное в условиях лжи очень сложно, потому что не знаешь, кому можно довериться, и в результате ничего не делаешь, хотя мог бы», — считает Айдар. Одной из главных тем нашего интервью стала тема доверия.

— Вы 25 лет руководили юридическим департаментом «Нижнекамскнефтехим». Что было самым сложным в выстраивании юридической функции?

— Вначале было сложно добиться уважительного отношения к ней, но мы достаточно быстро пришли к тому, что ни один договор не будет подписан без нашей визы, и отстаивали свое право «вето». Я добился того, чтобы все юристы стали ездить по своим делам в суд. Раньше компания экономила на этом, что значительно снизило ее авторитет в суде. Зато теперь там знают «Нижнекамскнефтехим»! Один высокоуважаемый судья даже написал в решении суда по административному делу: «Учитывая высокую компетенцию юристов «Нижнекамскнефтехим», буду рассматривать жалобу только в пределах заявленных требований». Увидев это, я рассмеялся. Мы добились отмены данного решения, поскольку для этого имелись безусловные основания.

— Как быстро компании удалось повысить свою репутацию в суде?

— Сложно сказать: по одним вопросам — в течение года, по другим — за более длительный период.

Когда мы оспаривали ст. 21 Арбитражно-процессуального кодекса в Конституционном Суде, приключилась забавная история. Имел место острый корпоративный конфликт. В ходе судебного процесса противоположная сторона, мягко выражаясь, называла вещи не своими именами. Я сказал, что суду нельзя лгать. Судья сделал мне замечание: мол, не оскорбляйте противника. И тут представитель противника заявил ходатайство об отложении судебного

заседания, потому что торопился на процесс, где выступал арбитражным заседателем, и назвал как раз тот процесс, где у нас параллельно слушалось другое дело.

Я пришел на это заседание и заявил отвод арбитражному заседателю. Мне отказали за неимением оснований. Есть очень узкий перечень оснований для заявления отвода арбитражного заседателя. Я не согласился с этим и подал жалобу в Конституционный Суд. Когда подошло время рассмотрения дела в КС РФ, мы его уже выиграли, поэтому я не поехал в судебное заседание, но на всякий случай отправил туда коллегу с диктофоном. Благодаря этому мы узнали о реплике судьи КС РФ после выступления сторон: «Жаль, что нет представителей «Нижнекамскнефтехима», они бы рассказали, как принимался этот закон...» Нам было очень приятно. Обращаясь в КС РФ, мы всегда доходили до самых глубин: как принимался закон, какая цель была у законодателя... Вот так мы заработали авторитет даже в Конституционном Суде.

— Вы боретесь с ложью в каждом судебном кейсе?

— По большому счету суд — это установление истины. Когда-то мы спорили с одним предприятием, рассмотрение дела откладывалось 19 раз! После этого я поехал в суд, и там разговорился в коридоре с представителем противоположной стороны. А когда началось заседание, он стал говорить неправду. Я обратился к нему со словами: «В суде надо говорить правду. Суд должен видеть истину. Почему в коридоре вы говорите одно, а здесь совсем другое?». На что он ответил: «Мало ли что я говорил в коридоре...» Однако суд понял, что другая сторона лжет, и в итоге мы выиграли дело.

— Вы написали более 20 статей о лжи в судебном процессе. Повлияло ли это на ситуацию?

— Статьи, безусловно, оказывают свое влияние. Недавно было заседание в кассационной инстанции. Судья задал представителю другой стороны очень неудобный вопрос, на который он был вынужден ответить правдиво, хотя это и «убивало» часть доводов нашего

противника. Он просто не посмел врать в суде, хотя раньше не стеснялся прибегнуть к лжи. Вообще тема лжи в процессе — старая и очень болезненная не только в России. Есть такая американская шутка: «Как определить, когда адвокат врет? Очень просто, в этот момент он шевелит губами». Мы обращаемся в суд за справедливостью: ведь если врать суду, победит тот, кто удачнее и убедительнее соврал. По словам одного, еще дореволюционного, процессуалиста, не выявленная в суде ложь превращает лжеца в торжествующего злодея.

— В эпоху фейков ложь становится неотъемлемой частью информационного фона. Люди перестают отличать правду от лжи...

— Вы правы. А ведь общество выживает и процветает только тогда, когда есть доверие. Ложь разрушает доверие, с помощью лжи легче манипулировать людьми, но создавать что-либо полезное в условиях лжи очень сложно, потому что не знаешь, кому можно довериться и в результате ничего не делаешь, хотя мог бы. Сначала доверяешь не тому, кому нужно, потом перестаешь доверять вообще всем. Тут очень важна работа каждого над самим собой. Когда вам соврали, вы перестаете доверять другим. Соврав сами, вы думаете, что другие тоже врут.

Что делают юристы в ситуации недоверия? Они пишут контракт на 50 страниц, который не защищает ни от чего, потому что впереди еще суд и исполнение его решения. В бизнесе многие вопросы решаются на доверии, когда слово стоит дороже всех объемных контрактов...

— После того, как Верховный Суд признал, что ложь может служить основанием для пересмотра дела, у Вас появилось ощущение, что процесс идет дальше?

— После выигрыша в Судебной коллегии ВС РФ Пленум Верховного Суда принял решение о рассмотрении дела в первой инстанции арбитражным судом. Пленум дал разъяснение по поводу того, что такое фальсификация. ВС почему-то счел, что фальсификация — это лишь искажение документа: не те печать, подпись, дата. Термин «фальсификация» не

раскрывается в арбитражном процессе. В уголовном праве под фальсификацией понимается, в том числе, интеллектуальный подлог, когда сделан абсолютно правильный по форме документ, но с неправильным содержанием. Это суд тоже должен проверить.

Данная тема будет актуальной еще долго. Мы победили только в арбитражных судах, а буквально два дня назад знакомый адвокат сообщил мне, что столкнулся с такой же проблемой в судах общей юрисдикции. Сейчас новые доказательства нельзя представить даже в кассацию — только в апелляцию и то в строго определенных случаях. Такой подход нужно менять.

— Как Вы после проигранных судебных процессов продолжаете свою борьбу?

— Проигрыш я рассматриваю лишь как вызов, на который необходимо отреагировать. Как вы защитите своего доверителя, если, столкнувшись с несправедливостью, сразу опустите руки? Юрист должен быть способен справиться с несправедливостью: распознать ее и смело смотреть ей в лицо.

Недавно у меня вышла книга «Борьба с пробелами в Налоговом кодексе и фиксированными идеями в налоговых спорах». Она как раз посвящена тому, как мы пытались добиться справедливости в налоговых спорах в судах. Мои книги, их вышло уже десять, — написаны как раз для того, чтобы у людей не опускались руки, когда они сталкиваются с несправедливостью. Бывают кейсы, для решения которых приходится очень долго сражаться с несправедливостью. Сейчас я заканчиваю очередную книгу под названием «Борьба со злоупотреблением правом, или Поиск справедливости в антимонопольных спорах», в которой описываю восьмилетнюю «битву». Компанию привлекли к ответственности на большую по тем временам сумму. Причем, даже выиграв дело в Конституционном Суде, нам пришлось еще три года биться за исполнение его решения. В итоге мы добились этого, и все деньги были возвращены компании.

Юрист должен быть готов к длительным «битвам». Справедливость порой приходится

отстаивать долго, хотя затянувшиеся споры, конечно же, никому не нужны. Тем не менее, если вы один раз сумеете добиться справедливости, делать это в будущем вам будет уже гораздо легче.

— Именно о таких кейсах мы и хотим говорить в нашем исследовании. Их не так много. Сколько времени проходит до рассмотрения дела в Конституционном Суде?

— По-разному. Иногда нам удавалось сделать это за полгода. Сейчас для того, чтобы попасть в Конституционный Суд, нужно проиграть все предыдущие инстанции, а ведь всегда хочется выиграть процесс побыстрее.

— Много ли у нас таких подвижников, как Вы, которые судятся до последнего?

— На самом деле нас много. Один мой коллега как-то сказал, что существуют две категории юристов: упертые и неупертые. Упертый юрист разберется во всем досконально и будет бороться за результат, а неупертый опустит руки, сославшись на то, что это с этим кейсом ничего нельзя было сделать. Не скажу, что первых больше. К сожалению, не все дела бывает видно как на ладони, хотя сейчас у нас уже более прозрачная система благодаря kad.arbitr.ru, есть много Telegram-каналов и прочих средств, посредством которых дела отслеживаются и комментируются. И все-таки трудно отслеживать чужое дело на протяжении многих лет.

— В июне 2022 г. Вы защитили кандидатскую диссертацию в Институте законодательства и сравнительного правоведения на тему «Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации». Как Вы решились пойти в науку, имея уже большой практический опыт?

Защититься было моим моральным долгом. Когда-то давно я познакомился с Ниной Исаевной Клейн, ведущим научным сотрудником Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Она взяла с меня слово защититься и заставила сдать экзамен. К сожалению, в 2013 г. Нина Исаевна Клейн нас покинула. Создавая

«Классику гражданского процесса», обсуждая подлежащие публикации работы, я успел согласовать с ней переиздание ее книги «Встречный иск в суде и арбитраже». И мы ее переиздали, а я написал вступительную статью, выполнив таким образом часть долга.

В 2020 г. у меня уже была готова диссертация, но началась пандемия. В ответ на приостановку действий диссоветов в 2020 г. я опубликовал книгу «Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе». Потом, когда диссоветы снова заработали, у нас приняли изменения в Конституцию, пришлось дописывать еще пару глав. Когда я уже вышел на финишную прямую, Россия заявила о выходе из Совета Европы, Парламентская ассамблея Совета Европы исключила нас из него и из Европейской конвенции. Все это было неожиданно.

— А что Вы думаете по поводу создания Евразийского суда по правам человека как замену европейского?

— Первое свое решение ЕСПЧ принял в 1961 г., спустя 10 лет после создания. Многие страны подписали протоколы в 1970-х гг., некоторые — в 1980-х гг. Это огромная дистанция. Почему? Вопрос доверия: государство отдавая разрешение своего спора, фактически отдает часть своего суверенитета и говорит: «Суверенитет личности будет иметь большую силу, нежели суверенитет государства. Я доверяю вам, судьи! Я буду исполнять то, что вы скажете». Вопрос доверия очень важен. Как в короткий срок создать институт, доверию к которому было бы и у граждан, и, главное, у государства? Это очень большой и сложный вопрос.

Сама идея прав человека состояла в том, чтобы получить их «у себя дома», а не будучи ответчиком в суде. Давайте забудем Европейскую конвенцию, у нас есть Конституция, одна из самых совершенных в области прав и свобод человека. Давайте сделаем ее работающей. Я не согласен с тем, что нам нужен квазиевропейский суд. У нас каждый районный суд должен быть судом по правам человека.

— **Каковы Ваши планы на будущее?**

— Хотелось бы закончить книгу про антимонопольное право. У меня была в работе книга «Борьба за мотивированность судебных актов». Сама идея того, что что-то должно мотивироваться, касается не только судебных, но и всех ненормативных актов. Это вопрос надлежащей коммуникации: насколько вы уважаете человека, почему раскрываете свои доводы...

У меня есть друг, судья ВС РФ в отставке, Аркадий Ильич Сычев. Он долгое время работал председателем первого состава. Огласив после рассмотрения дела резолютивную часть, он всегда двумя-тремя фразами объяснял, почему принято такое именно решение. Это сразу создавало определенное спокойствие. Больше судей, которые делали бы так же, как он, я не знаю.

— **Правда ли, что в этом году Вы заканчиваете работу в компании «Нижнекамскнефтехим»?**

— Да, это так. Теперь я буду работать адвокатом, мне поступило предложение от «Пепеляев Групп» возглавить их представительство в Татарстане.

— **Почему именно «Пепеляев Групп»?**

— Мне нравится их уровень экспертности. Я командный игрок, всегда создавал команды экспертов, во многом благодаря этому юридический департамент «Нижнекамскнефтехима» много раз признавался лучшим в разных номинациях. «Пепеляев Групп» — команда профессионалов, экспертов, с которыми приятно общаться, их понимаешь с полуслова.

— **Если говорить о потенциальных клиентах, за дела которых Вы бы взялись, кто они?**

— Мне интересны сложные, большие дела, но иногда для того, чтобы сформировать правовую позицию для более крупного дела, полезно взять несколько маленьких дел,

обкатать на них практику, а уж потом продвигать ее в больших делах. Поэтому говорить, что я берусь только за крупные дела, ошибочно.

Все мы нуждаемся в тех или иных победах. За восемь лет, в течение которых я судился с антимонопольной службой, у меня было множество проигрышей, прежде чем я, в конце концов, победил. В течение этого времени у меня были другие успешные дела. Мы все черпаем силы в победах, поэтому браться за другие, более простые, дела — это нормально и правильно.

Айдар

Султанов

руководитель представительства "Пепеляев групп" в Татарстане

ИНТЕРВЬЮ

THE CASE